

УДК 316.3(470+571)

ОТНОШЕНИЕ К ИДЕЕ НАПРАВЛЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В РАЗЛИЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ

О.Г. Антонова

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты социального прогресса в истории мировой социальной мысли, а также в отечественной гуманитарной науке, прежде всего в социологии.

**Attitude Towards the Idea of Orientation of
Social Development in Different Historical Periods**

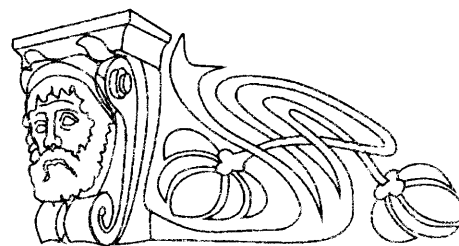
O.G. Antonova

The paper is focused on some aspects of social progress in the history of world social thought and Russian humanitarian science, primarily in sociology.

Хотя о прогрессе человечества говорят и спорят с давних времен, становление идеи прогрессивной направленности общественного развития в общественных науках шло очень медленно и с величайшим трудом. На протяжении более двадцати пяти веков философы, ученые и богословы в той или иной степени разрабатывали эту идею как и противостоящую ей, причем вера в прогресс была доминирующей. Последняя предполагает, что человечество улучшало свое состояние в прошлом, продолжает двигаться в этом направлении сейчас и будет двигаться дальше в обозримом будущем (от состояния дикости – к вершинам цивилизации). Идея прогресса – это синтез прошлого и предсказания будущего.

Но что означает «улучшение» или переход от «низшего к высшему» в содержательном смысле? Начиная с древних веков и по настоящее время существуют две различные, хотя и тесно взаимосвязанные, точки зрения. Первую развивали Гесиод и Протагор, Лукреций и Сенека, Св. Августин и его последователи, а также такие великие прогрессисты, как Сен-Симон, Конт, Гегель, Маркс, Г. Спенсер. Они убеждены, что сама природа знания содержит в себе идею продвижения, улучшения и усовершенствования. Происходит постепенное и кумулятивное развитие знания, воплощающегося в искусствах и науках, в многообразных способах, используемых человеком для решения проблем, которые ставит перед ним природа или общество.

Вторая точка зрения во главу угла ставит моральное и духовное положение человека, его счастье, свободу от страданий, доставляемых природой и обществом. Достижение этих духовных

и моральных добродетелей должно привести к совершенству человеческой природы. Сторонники этой позиции считают, что существует обратное пропорциональное отношение между счастьем и знанием.

В современном мире идея прогресса в самой распространенной форме относится не столько к какому-то определенному народу или стране, сколько к человеческому роду в целом. Кондорсе, Конт, Спенсер и другие мыслители, конструировавшие свои теории прогресса в XVIII–XIX веках, считали, что прогресс человечества в целом гарантирован, независимо от того, что произойдет с отдельным народом и его культурой.

Именно христианство наиболее систематически и последовательно выдвигало на первый план идею единства человечества, объединенного и обладающего способностью к развитию и прогрессу. Эта концепция характерна для западной цивилизации, и она оформляется приблизительно к 200 г. Именно тогда христианские теологи развивали тему вселенского характера Церкви и ее доступности для всех, независимо от семейного положения, места проживания, принадлежности к определенному этносу или культуре и утверждали идею власти Бога над всеми народами на земле.

В начале XIII века христианская идея прогресса переживает расцвет. Причем развиваются обе концепции: с одной стороны, представление о постоянном накоплении культурных достижений по мере движения из глубин прошлого к отдаленному будущему, с другой стороны, вера в золотой век морали и духовности, который должен наступить на Земле в будущем. Эпоха XII–XIII веков отличалась новизной и смелостью мысли. Интеллектуальное наследие Средних веков долгое время рассматривалось в богословском контексте. Однако в результате исследований, проведенных в XX веке, обнаружилось, что по уровню своих интеллектуальных и культурных свершений Средневековье принадлежит к числу величайших эпох мировой истории. Это касается не только искусства или гуманитарного знания, но и развития науки и технологии.

В культуре Средних веков можно обнаружить все главные признаки, указывающие на присутствие веры в прогресс человечества на Земле. Наблюдается глубочайший интерес к экономическим, политическим и общественным вопросам, к проблемам будущего. Ученые того

времени (Н. Макиавелли, Ф. Бэкон, Т. Гоббс) писали о будущем как о времени, базирующемся на научных достижениях, когда корабли будут ходить без парусов и вёсел, когда повозки будут передвигаться с большой скоростью и без помощи тягловых животных, когда даже небо будут рассекать «летающие машины».

Упоминание прогресса как исторической идеи или концепции, отсутствует на протяжении всей эпохи Возрождения. Объясняется это, в первую очередь, тем, что для существования теории прогресса необходимо уважение к прошлому и его принятие, ведь основой идеи прогресса является предпосылка исторической непрерывности, которая отсутствовала в ренессансном мышлении. Античным прошлым восхищались, но отрицали всё средневековое, так как в ренессансном сознании существовал образ тысячелетнего периода отсталости, интеллектуального бесплодия, пошлости потусторонним грядущим миром и церковной тирании. Гуманисты Ренессанса считали, что полный разрыв с прошлым приведет к установлению нового золотого века в истории.

Таким образом, линейная теория прогресса была чужда Ренессансу. Мыслители Возрождения, начиная с итальянских гуманистов XV–XVI веков и кончая Френсисом Бэконом, в своем большинстве воспринимали историю не как однонаправленный процесс, не как нечто непрерывное и нарастающее, а, прежде всего, как состоящую из множества повторений то восходящего, то нисходящего движения по кругу как следствие наличия в природе человека постоянных элементов – добра и зла.

С XVIII по XX век идея прогресса в западной мысли развивалась и достигла зенита. Она стала даже не одной из важных идей Запада, а доминирующей идеей. Особенность и ключевая роль понятия прогресса состояли в том, что именно он становится контекстом для развития остальных идей. Свобода, равенство, суверенитет народа – все это становилось еще более желанным, побуждало к трудам и пробуждало надежды, но каждая из этих идей, будучи помещенной в контекст идеи прогресса, могла представлять как нечто не просто желаемое, но и исторически необходимое, как неизбежное конечное достижение. Стало возможным продемонстрировать, что всю историю можно рассматривать как медленное и постепенное, но при этом непрерывное и необходимое восхождение к некоей определенной цели.

Следует сделать еще одно общее замечание о роли идеи прогресса в конце XVIII–XIX веках. Существовало очень близкое сходство между верой в прогресс и верой в экономический рост. В XIX веке существовали, конечно, и противники этой точки зрения. Но независимо от того, основывалась ли вера в прогресс человечества в явном виде на том или ином физическом, биологическом, экономическом, технологическом, религиозном или метафизическом принципе, она была практически

всеобщей среди просвещенных и передовых людей в период от 1750 г. до середины XX века.

Особенно необходимо отметить, что Сен-Симон, Конт, Фурье, Спенсер, Маркс были убеждены в том, что прогресс – не результат случая или стечения обстоятельств, либо запланированные события. Они имели в виду некое качество, называемое необходимостью. Речь шла о том роде необходимости, которую находили физики или биологи, открывая свои законы. Основной идеей ученых XIX века как верующих, так и неверующих, было то, что и природа, и общество функционируют, подчиняясь неизменным законам порядка и развития.

Еще одно выражение идеи прогресса как власти – расизм, т.е. убеждение, что человеческий прогресс неотделим от исторического существования определенных расовых ветвей, которые воплощают прогресс в своей собственной истории и которые являются необходимыми источниками энергии прогресса человечества в целом. Осознание расовых различий и расового превосходства, разумеется, очень старо. Вряд ли от подобных взглядов свободен хоть один народ с долгой историей и достижениями, какими бы скромными они ни были. Мы встречаем их у китайцев, евреев, греков, римлян и других этносов. Идеи расовой основы цивилизации существовали и существуют вплоть до сегодняшнего дня. Толчок все более несправедливым классификациям народов был дан в период, последовавший за XVI веком, популярными в то время полигенетическими теориями происхождения человечества. Некоторое время в XVIII веке интерес к проблеме расовых различий несколько угас. Сейчас нет недостатка в заявлениях ученых о том, что идея прогресса исчерпала себя в XIX веке и навсегда изгнана Первой мировой войной.

Однако, что бы ни происходило, сегодня стало совершенно ясно: техническая мощь такова, что весь человеческий род может быть удобно расселен, одет и накормлен... Появилось осознание общественной солидарности, и это новый факт человеческой истории... СМИ, художественная литература и искусство сделали многое для того, чтобы привлечь всеобщее внимание к предметам общих интересов, и развили то чувство взаимности, участия друг к другу, которое и должно формировать основу всякого справедливого требования установления прав и признания обязанностей... Представляется, что эти рассуждения могли бы в некоторой степени поддержать веру в естественный закон прогресса.

В наше время истинная причина привлекательности социальной эволюции имеет моральный характер. Идея социальной эволюции стимулирует стремление к единству, к чувству общности между нациями и, ощущение единства прошлого и настоящего. Одним словом, идея прогресса в настоящий момент имеет значительное число последователей, тех, кто в силу своих моральных убеждений и интеллектуальных интересов придерживается той или иной схемы социальной эволюции.

Взгляды на перспективы прогресса различны. С одной стороны, бытует убеждение, что основные западные ценности, а также политические и экономические структуры не только превосходят все, что имеется в остальной части мира, но и являются образцами для остальных стран мира¹. Согласно другой, диаметрально противоположной точке зрения, Запад больше не следует воспринимать как авангард прогресса.

Одним из наиболее интересных явлений, «наследницей» идеи прогресса, стала футурология. Большие надежды ею возлагаются на компьютерные технологии, которые позволяют научно предвидеть будущее. Кроме того, можно распознать некую очевидную историческую тенденцию с помощью проецирования аспекта настоящего, представляющегося доминирующим, на будущее.

Хотелось бы отметить и признаки масштабного религиозного возрождения на западе и в других частях света. Весьма вероятно, что слияние науки и религии, основанное на прогрессе человеческих знаний и на прогрессе человеческого духа и займет в мире видное место.

Хотя XX век был не лишен веры в прогресс, тем не менее одним из главных признаков XX века стал отказ от веры в эту идею. Скептицизм в отношении прогресса, бывший в XIX веке уделом небольшой группы западных интеллектуалов, к последней четверти XX века широко распространился и сегодня разделяется многими.

Формально идее прогресса противостоит множество фактов: бедность народных масс, эпидемии, голод, опустошительные войны, экономические депрессии, периоды политической и религиозной тирании и т.д. Но, как и любая сложная идея, она не может пережить утрату своих главных предпосылок. Можно отметить, по крайней мере, пять таковых: 1) вера в ценность прошлого; 2) убежденность в величии западной цивилизации и даже ее превосходстве над другими цивилизациями; 3) экономическое и технологическое развитие; 4) вера в разум и в тот вид научно-исследовательского знания, который может быть порожден только разумом; 5) убежденность в ни с чем не сравнимой ценности жизни на Земле.

Причина современного кризиса идеи прогресса лежит в неспособности постоянно увеличивающегося числа людей принять аксиоматическую истинность этих предпосылок так, как ее принимали наши предки. Сегодня убежденность в реальности прогресса в гораздо большей степени присутствует не в свободных странах Запада, а там, где есть уважение к собственному прошлому, убежденность в величии собственной цивилизации, в ценностях экономического и технологического развития, вера в знания и в высшую ценность жизни.

В западной цивилизации сегодня дело обстоит совсем не так. Сейчас на Западе преобладают и циркулируют идеи, настроения и убеждения, появившиеся в XIX веке, которые тогда поддерживались весьма незначительным числом историков

и философов, имевших ограниченное влияние. Но в XX веке значимость этой группы постепенно возросла, особенно после Второй мировой войны.

Анализируя основные предпосылки идеи прогресса, можно отметить кризисное состояние каждой из них. Например, ценность прошлого жизненно важна для идеи прогресса. Но осознание движения от прошлого к настоящему – движения, которое можно без труда экстраполировать в будущее – могло появиться лишь тогда, когда люди осознали наличие у них продолжительного прошлого и когда сделали это осознание общим.

Даже в моменты наивысшей погруженности в настоящее древние греки глубоко интересовались своим прошлым, стремясь открыть или воспроизвести великие события прошлого, отдавая ему должное. Нигде уважение к прошлому не было столь укорененным, как в Соединенных Штатах Америки. Здесь оно характерно и для XX века. Прошлое оставалось священной землей даже для тех умов, которые посвятили себя уничтожению существующих институтов и построению будущего золотого века.

На протяжении веков люди всегда обращались к прошлому как к чему-то большему, нежели руководство для управления настоящим. Они считали, что, изучая его, они смогут распознать будущее и даже, быть может, предсказать его. В ходе исследования прошлого они открывали повторяемость событий, разворачивающуюся целенаправленность, неизбежные последствия.

Современное состояние умов характеризуется тем, что мы все больше и больше становимся отрезанными от прошлого, которое некогда давало опору. По мере того, как общее прошлое уходит в никуда, то же самое, по-видимому, происходит с Западом. Для идеи прогресса это явление является едва ли менее пагубным. Ведь, как было показано, возникновение и распространение идеи прогресса имели место в рамках западной цивилизации, что было крайне важно для ее членов и в более длительной перспективе для всех остальных.

Считалось, что Запад стал править миром благодаря законам прогресса, что, разумеется, находило подтверждение в очевидном факте превосходства западной цивилизации над другими. Вплоть до настоящего момента ключевым догматом всеобщей веры было то, что европеизация (или американизация) мира была так же неизбежна и должна была длиться так же долго, как и любой процесс в истории.

Однако в течение поразительно короткого срока то, что потребовало более двух тысяч лет для превращения в предпосылку и предмет веры, подошло к концу. Очевидно, что после Первой мировой войны власть и влияние западной цивилизации в мире стали приходить в упадок. Запад, который при всех своих недостатках представлял собой систему относительно свободных и демократических государств, стал объектом пренебрежения, презрения и враждебности для большей

части мира. Материальному богатству Запада завидуют, но его больше не боятся, не уважают и уже не рассматривают как образец. После Второй мировой войны Америка во многих отношениях, по-видимому, потеряла уважение и к ней испытывают враждебное отношение в большей мере, чем к Западу в целом.

Самым разрушительным во всех смыслах является упадок веры в ценности и перспективы западной цивилизации в Америке и Европе. На место этой веры приходят чувство вины, отчуждение и безразличие. Ощущение того, что западная цивилизация испортила, развратила и ограбила другие народы мира и что поэтому должна испытывать чувство вины, стыда и раскаяния, растет и ширится, особенно среди американцев, еще конкретнее – среди молодых американцев, принадлежащих к среднему классу. Разумеется, в таких условиях какая бы то ни было идея прогресса неизбежно является неубедительной.

Еще одной причиной кризиса идеи прогресса является экономический рост, а точнее опасения относительно его последствий – страх перед ограниченностью и истощением ресурсов. И хотя с самого начала существовала взаимосвязь между верой в прогресс человечества и верой в необходимость экономического развития, одной из главных предпосылок стало убеждение в сохра-

нении неизменности природы, которая включает в себя и человеческую природу. При этом настоящее должно превосходить прошлое просто благодаря приросту знаний. Однако в XX веке страх перед истощением материальных ресурсов тесно связан со страхом, касающимся сохранения за окружающей средой – и физической, и социальной.

Надо заметить, что среди всех вызовов, с которыми сталкивается сегодня идея прогресса, наиболее потенциально опасным является отказ от разума. Развивается интерес к экзотическим религиям, формам коммуникации, которые отрицают рациональное.

Неизвестно, каким именно курсом пойдет прогресс: через «смягчение» нравов и развития духовной культуры или путем принятия новых законов, которые разграничат и определяют область свобод каждого гражданина и сделают в дальнейшем невозможным негуманное отношение человека к человеку. Очевидно, что эти два пути не исключают, а дополняют друг друга и находятся во взаимной зависимости.

Примечания

- ¹ См. об этом подробнее: *Нисбет Р.* Прогресс: история идеи. М., 2007.

УДК 316.342.5

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ А.И. СТРОНИНА

Д. В. Покатов

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: BegininaJA@info.sgu.ru.

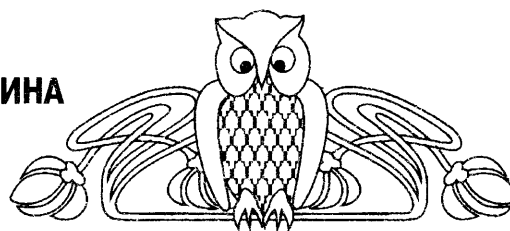
В статье рассматриваются особенности теории политической элиты известного социолога-позитивиста А.И. Стронина. Определяется его вклад в анализ структуры российского общества, места, занимаемого в нем элитными слоями.

Problem of the Political Elite in A.I. Stronin's Sociological Theory

D.V. Pokatov

In the article the theory of political elite characteristics considers, showed up by the famous sociologist-positivist A.I. Stronin. There was specified his contribution in the structure of Russian society analysis, the place, which the elite ranked.

Социологическая теория А.И. Стронина, как впрочем и многие этапы его жизненного и творческого пути пока ещё недостаточно изучены, что приводит к многочисленным ошибкам и искажениям фактов его биографии, а также весьма

неоднозначным оценкам его взглядов, в которых одни исследователи обнаруживают несомненный демократизм и даже отчасти либерализм, а другие – консерватизм.

В советское время, начиная с 1930-х гг., его оценивали, вслед за Н.Г. Чернышевским, только как сторонника механистической теории общества в грубейшей и элементарнейшей форме¹. В вышедшей в конце 70-х гг. прошлого века монографии «Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX–начала XX века» он характеризовался как «крайний консерватор», якобы считавший, что «только высшая бюрократия и интеллигенция как носители нравственных и умственных качеств и создатели благ могут заниматься политикой»².

Конечно, данные весьма категоричные и неоправданно односторонние суждения, на наш взгляд, не могут отражать и не отражают всей сложности, оригинальности и противоречивости взглядов мыслителя.